

А.В. Иванов
(Могилев, Беларусь)

«РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ ЭМИГРАЦИИ» КАК ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ

*Может ли современный писатель
найти для себя более головокружительное
приключение, чем литературное изгнание?*

В.П. Аксенов
(«В поисках грустного бэби»)

Третья волна эмиграции как явление охватывает 1960-80-е годы. За пределами Советского Союза преимущественно по своей воле и, в значительно меньшей степени, по принуждению властей оказались многие. Социальный состав эмигрантов всех волн довольно пестрый. Третья волна в этом отношении не исключение. Наряду с представителями научной и художественной интеллигенции выезжало значительное количество граждан, относящихся к другим социальным группам.

Причины, побуждавшие покинуть страну писателей и поэтов, различны. Для большинства из них дальнейшее пребывание в СССР связывалось с невозможностью осуществления творческих планов, отсутствием надежд на публикацию произведений, не последнее место на решение уехать повлияли идеологические и политические разногласия с властью. Среди выехавших писателей были те, кто серьезно закрепился в литературном процессе метрополии: В.П.Аксенов был культовым автором в литературе 1960-х годов, А.Галич считал себя, по его собственному выражению, «удачливым драмателем», стабильно печатался В.Е.Максимов, за повесть «В окопах Сталинграда» был награжден Сталинской премией В.П.Некрасов, получил известность как литературовед А.Д.Синявский, на соискание Ленинской премии выдвигался А.И.Солженицын. У других, как правило, более молодых, отношения с политическими властями и чиновниками от литературы не сложились изначально: не признавалось право И.А.Бродского называть себя поэтом, лишь на публикации идеологически выдержанных статей в советской периодике мог рассчитывать С.Д.Довлатов, за написание повести об армейской жизни был исключен из Литературного института Д.П.Савицкий, неприемлемой для официоза оказалась поэтика произведений С.Соколова. Биографии некоторых литераторов были «осложнены» фактами прямого идеологического противостояния властям, связью с диссидентским движением.

Зачастую физическому перемещению писателя в эмиграцию предшествовала эмиграция его произведений: внешняя – публикация их в «тамиздате» и/или внутренняя – знаменитый «самиздат». Подобные поступки властью категорически не приветствовались: автор лишался возможности публиковаться на родине, мог быть подвергнут и более серьезному, вплоть до осуждения (А.Д.Синявский, Ю.Даниэль) наказанию.

В эмиграции литераторы (особенно вкусившие блага вполне комфортного существования признанного советского писателя) попали в принципиально иную ситуацию. Они оказывались в незнакомом, чуждом им литературном процессе, начало которому положили их предшественники – эмигранты первой и второй волн. Существенно сужался круг потенциальных читателей их русскоязычных произведений. В этой обстановке естественным был переход небольшой части писателей к творчеству на языке страны проживания (при этом они продолжали создавать произведения и на русском языке). Наиболее впечатляющи в этом отношении достижения И.А.Бродского, известна проза на французском языке Д.П.Савицкого, англоязычный роман «Желток яйца» и другие произведения, эссе пишет В.П.Аксенов. Для большинства же единственным языком творчества остается русский. Но это не отменяет того факта, что среди эмигрантов третьей волны крайне редки были настроения, близкие к славянофильским.

Политические преобразования в Советском Союзе во второй половине 1980-х годов, а затем и его распад обусловили возможность возвращения некоторых эмигрантов на родину. Строго говоря, возможность вернуться получили практически все. На рубеже 1980-90-х годов многим эмигрантам, прежде несправедливо изгнанным властями, было возвращено советское гражданство. Конечно, центральным событием процесса воссоединения двух ветвей русской литературы стал помпезный приезд в Россию в 1994 году А.И.Солженицына. Среди вернувшихся и активно включившихся в литературный процесс уже в России, а не в Советском Союзе А.А.Зиновьев, Ю.М.Кублановский, Э.Лимонов, Ю.В.Мамлеев. Подолгу живут в России, не перебираясь на постоянное место жительства, В.П.Аксенов, Н.М.Коржавин, С.Сokolov. Ощутимо присутствие в литературном процессе 1990-х и тех, кто не посчитал возможным вернуться: Ф.Горенштейна, Б.Хазанова, Д.В.Бобышева, А.Т.Гладилина.

В связи с вышеизложенным возникает вполне логичный вопрос: что же собственно считать литературой третьей волны эмиграции? Какие произведения, явления литературного процесса охватывает это понятие?

Вернемся к тезису о том, что русская литература после октября 1917 года была насильственно разделена на две ветви: метрополии и эмиграции. Литература метрополии также разделилась на две части. Первую (самую большую в количественном отношении) составляли произведения, которые были напечатаны в стране. Конечно, многие из них уродовались цензурой, но в данном случае нам важен сам факт публикации на родине, там, где произведение было написано. Вторая часть, так называемая «задержанная» литература, состояла из произведений, публикация которых на родине была невозможна. Часть из них циркулировала в «самиздате», другие по различным каналам переправлялись за рубеж, публиковались в эмигрантских изданиях, становились частью не только русскоязычного эмигрантского литературного процесса, но и мирового («Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына). Среди «задержанных» были и те произведения, которые до второй половины 1980-х годов не публиковались вообще. Таким образом, часть «задержанной» литературы вначале становилась участником литературного процесса эмиграции, а затем, со значительным опозданием, после изменения политического климата в Советском Союзе, и метрополии.

То есть, в литературном процессе эмиграции были представлены тексты, написанные в СССР и эмигрировавшие отдельно или вместе с авторами, а также тексты, созданные непосредственно в эмиграции. Оговоримся, что под «текстами» мы понимаем всю совокупность явлений, составляющих литературный процесс: проза, поэзия, драматургия, литературная критика, эссеистика. Но, строго говоря, к литературе эмиграции третьей волны можно причислить только произведения, написанные в изгнании. Почему нам представляется столь важным настаивать на подобной дифференциации?

Человеческие судьбы многих русских писателей XX века драматичны и даже трагичны. Сполна это сказалось и на судьбах их произведений. Факты политических и идеологических преследований писателей, бесчеловечных репрессий возмутительны. Несомненно, что некоторые талантливые книги изымались и погибли или были уничтожены самими авторами. Судьба писателя может быть сложна, его страдания вызывают искреннее человеческое сочувствие, негодование в отношении лиц, губивших талант. Вполне естественно, что сочувствие распространяется и на восприятие произведений, созданных писателем. Восстановление исторической справедливости, реальных контуров литературного процесса несомненно необходимо. Но после этого наступает время взвешенного литературоведческого анализа и вполне естественных вопросов: «Какова художественная ценность произведений, написанных в эмиграции? Какой период: доэмигрант-

ский, эмигрантский или послеэмигрантский (касается тех, кто вернулся на родину) был наиболее плодотворен для каждого отдельного автора?». Для иллюстрации необходимости постановки подобных вопросов обратимся к творческим биографиям наиболее значительных писателей эмигрантов.

До своей эмиграции в 1974 году А.И.Солженицын написал и опубликовал (многое до рубежа 1980-90-х годов было напечатано только за рубежом) практически все книги, принесшие ему мировую известность: «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор», «В круге первом», «Раковый корпус», первый том эпопеи «Август четырнадцатого», два тома «Архипелага» (третий завершает уже в Вермонте). Смог бы А.И.Солженицын, проживая на Западе, собрать материал для своего наиболее известного мировому читателю «Архипелага»? Эта книга, как и все остальные, задуманная и в основном написанная в СССР, вызвана к жизни советской реальностью, создавалась, когда писатель находился внутри этой самой реальности. В эмиграции и после возвращения на родину он работает над историческим повествованием «Красное колесо», рассказами, лирическими миниатюрами «Крохотки», драмами, воспоминаниями, исследованием «Двести лет вместе». Работоспособность А.И.Солженицына поразительна, тематика его нехудожественных произведений разнообразна, касается ключевых проблем русской истории и литературы. Но наиболее значительными подавляющее большинство исследователей, да и просто почитателей таланта писателя считает книги, написанные до эмиграции.

Как представляется, прочное место в истории русской литературы В.П.Некрасов занял благодаря своей повести «В окопах Сталинграда». Последующие же его произведения («Кира Георгиевна», «Саперлипопет», «Записки зеваки»), написанные как в Советском Союзе, так и в эмиграции, трудно безоговорочно отнести к большим творческим достижениям писателя. При этом несомненен человеческий авторитет, которым пользовался В.П.Некрасов в эмигрантских кругах, причем не только литературных. Его поведение, колоритная манера общения, описание которой сохранилось в воспоминаниях современников, дает много интересных фактов для воссоздания истории эмигрантского литературного быта.

Сравнивая книги С.Д.Довлатова, написанные на родине и в США, нельзя не признать очевидное развитие таланта, плодотворность эмигрантского периода творчества.

«Палисандрия» Саши Соколова, целиком написанная в эмиграции, поражает виртуозностью языка, стилистическими изысками, заставляющими забыть, что автор годами общается преимущественно с англоязычным окружением.

Для почитателей и критиков поэзии И.А.Бродского, в числе их авторитетные фигуры третьей волны эмиграции, сравнительная характеристика доэмигрантского и эмигрантского периодов творчества – одна из основных исследовательских проблем.

У каждого из авторов (не только упомянутых) эмигрантский период специфичен: кто-то устроился достаточно комфортно, имеет престижную работу, гонорары (В.П.Аксенов), а кто-то бедствует, не вписавшись в иной образ жизни (Н.М.Коржавин). Практически все эмигрировавшие писатели говорили, что переезд был для них серьезным потрясением. Разумеется, подобные перемены не могли не сказаться на поэтике их произведений, в своем творчестве они обращаются к новым темам. Например, значительна по объему проза, повествующая о жизни эмигрантов, о писательских судьбах в эмиграции. Вспомним только наиболее значительные: «В поисках грустного бэби» В.П.Аксенова, «Меня убил скотина Пел» А.Гладилина, «Иностранка» и «Соло на ундервуде» С.Д.Довлатова. А вот тема Великой Отечественной войны оказалась почти обойденной вниманием эмигрантов третьей волны (исключение составляет роман Г.Владимова «Генерал и его армия»), хотя эмигрант В.П.Некрасов своей повестью «В окопах Сталинграда» фактически предопределил пути развития советской военной прозы, а созданная В.Войновичем еще до эмиграции книга о Чонкине представляет собой принципиально новый, хотя и далеко небесспорный, подход к раскрытию этой темы.

Когда речь заходит о литературе третьей волны эмиграции, исследователи не склонны дифференцировать ее по географическому принципу, по новому месту проживания писателя. Хотя принимать во внимание подобные факты необходимо. По крайней мере, подобный подход применяется при анализе творчества эмигрантов первой волны. Естественно, не было некой общей литературы эмиграции третьей волны. Конечно, был общий литературный процесс в эмиграции, но эту общность не стоит преувеличивать. В США был свой литературный процесс, который обслуживали свои издательства, критики, журналы и газеты. В Израиле, где обосновалось много писателей или какое-то время жили до переезда в Европу или США – свой процесс, в Европе – свой.

Таким образом, мы видим, что понятие «литературный процесс эмиграции» включает в себя все тексты, издававшиеся за пределами метрополии, без учета места и времени создания. А понятие «литература эмиграции» предполагает ограничение круга рассматриваемых произведений теми, что были написаны непосредственно в эмиграции.